

© 2010 г. К.В. БАБАЕВ

О РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ПРАЯЗЫКЕ КВА

Настоящая статья имеет своей целью осуществить сравнительно-исторический анализ личных местоимений, а также личных глагольных и именных показателей в языках африканской семьи ква и предложить гипотезу реконструкции праязыковой системы показателей лица. К исследованию привлекаются данные около пятидесяти языков ква, проводится внешнее сравнение с языками близкородственной семьи языков бенуэ-конго и других семей, входящих в состав нигеро-конголезской макросемьи.

Надежная реконструкция системы личных местоимений в языках ква является важной ступенью в работе над восстановлением нигеро-конголезской праязыковой системы личного маркирования. На сегодняшний день опыты реконструкции личных местоимений и, шире, личных показателей были предприняты для нескольких крупных семей языков, входящих в состав нигеро-конголезской макросемьи: кордофанской [Schadeberg 1981], адамава [Boyd 1989], иджоидной [Williamson, manuscript], убанги [Moniño 1995], гур [Miehe 2004], атлантической [Pozdniakov, Segerer 2004]. Автором настоящей работы была также предпринята попытка реконструкции показателей лица в бенуэ-конголезских языках [Babaev 2008; 2010]. Для языков ква такую работу еще предстоит осуществить, а так как семья ква является, согласно общепринятой классификации, ближайшим генетическим родственником семьи бенуэ-конго, то реконструкция этой подсистемы морфологии поможет поднять исследования на хронологически более высокий уровень.

Семья ква (термин был предложен В. Краузе [Krause 1895]), по данным современных исследований, насчитывает около восьмидесяти языков (79, согласно последним данным каталога Ethnologue [Lewis 2009]), распространенных в странах Западной Африки у побережья Гвинейского залива. Носители языков ква населяют восточные районы Кот д'Ивуара (в основном к востоку от р. Бандама), южную и центральную Гану, распространены в Того и Бенине до западных границ Нигерии. С запада к ним примыкают ареалы языковых семей кру и манде, с севера – семьи гур, с востока – бенуэ-конголезских языков. Все эти семьи включаются в состав нигеро-конголезской макросемьи, согласно гипотезе Дж. Гринберга [Greenberg 1955].

Внешняя и внутренняя классификация языков ква по сей день является предметом научных дискуссий в африканистике. По классификации Д. Вестермана [Westermann 1927], в состав семьи ква, разделенной исследователем на восемь групп, было включено большое количество языков, позже выделенных в самостоятельные семьи – иджоидных языков и кру. Помимо этого, в 70-е годы XX века было предложено рассматривать восточную группу языков ква как особую ветвь бенуэ-конголезской семьи [Bennett, Sterk 1977], что было позитивно воспринято большинством специалистов [Williamson 1989]. Был введен термин «языки бенуэ-ква» (иное название – «восточные вольта-конголезские»), характеризующий новый таксономический уровень в рамках нигеро-конголезской макросемьи и объединяющий две семьи географически и генетически близких языков. Понятие «новые ква», также возникшее в результате этого деления,

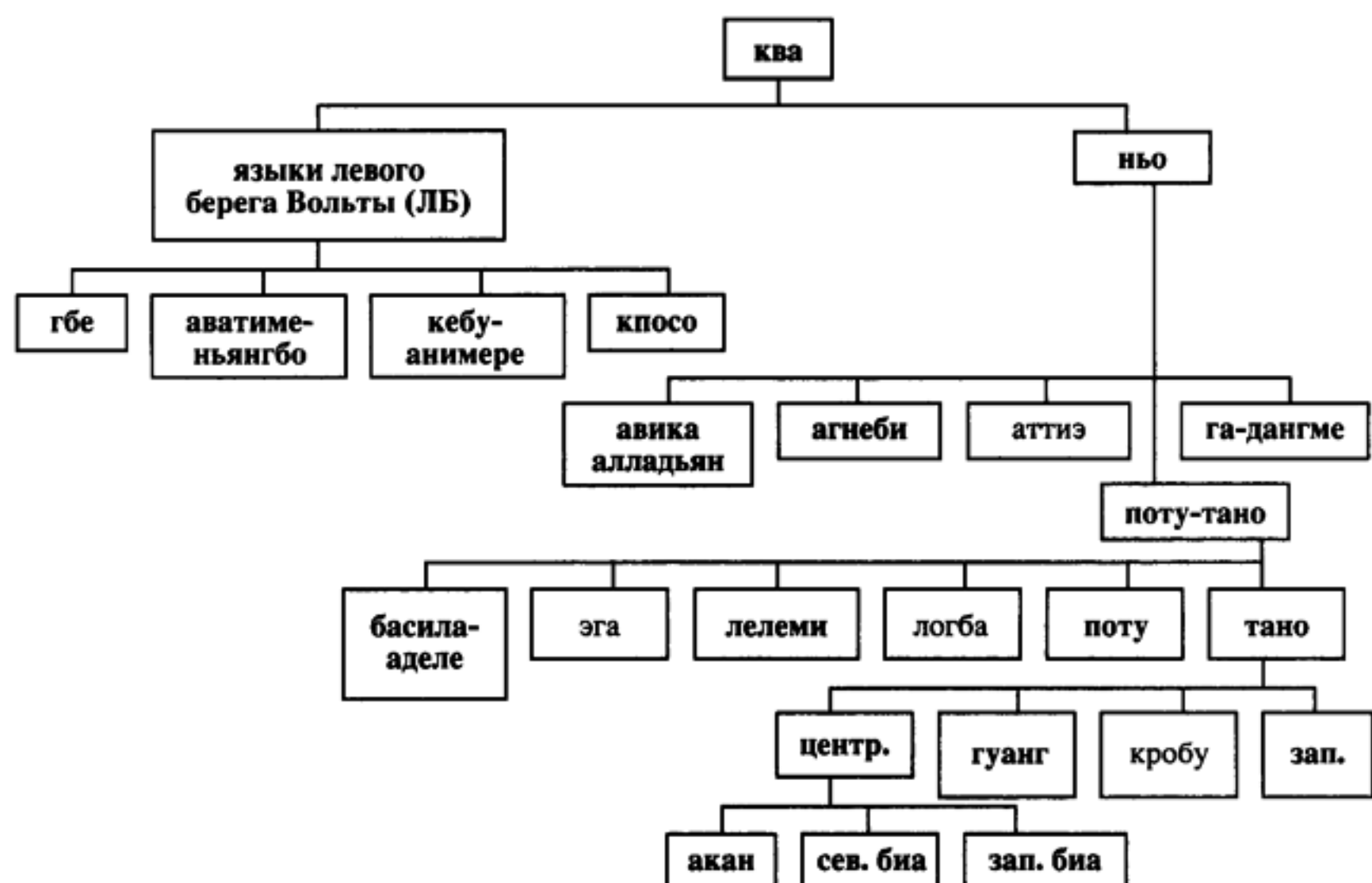

Рис. 1.

включает в себя только языки, ранее относимые к «западным ква», и именно они являются предметом настоящего исследования. Граница между бенуэ-конголезскими языками и ква, тем не менее, является довольно размытой, что позволяет рассматривать ветвь бенуэ-ква как непрерывный языковой континуум с пока неясным таксономическим делением [Williamson, Blench 2000: 17–18].

Принятая на сегодняшний день внутренняя классификация языков семьи ква (рис. 1) основывается на очерке Дж. Стюарта [Stewart 1989; ср. также 2001a] и на его позднейшей модификации в обзорной статье [Williamson, Blench 2000]. Она же в основном использована и в последней по времени публикации генетической таблице нигеро-конголезских языков Г. Сежерера [Segerer 2008] (Рисунок 1; жирным шрифтом даны группы и подгруппы языков).

Вместе с тем необходимо признать, что приведенная классификация не может считаться окончательной, в том числе и потому, что она в значительной степени основана лишь на отдельных лексических изоглоссах. Например, группа ньо выделяется в основном в результате наличия в ряде языков лексемы по 'два' [Bennett, Sterk 1977], а группа языков ЛБ остается скорее географическим подразделением, нежели генетическим. Точно таким же объединением является и группа так называемых центрально-тооголезских языков, выделенная еще Б. Хайне [Heine 1968]. В ее состав включают две крупных ветви: ка-того (группы аватиме-ньянгбо, кебу-анимере, кпосо на Рисунке 1) и на-того (группы лелеми, басила-аделе и язык логба). В основе такого бинарного деления – несколько лексем, в том числе отраженные в названиях обеих групп изоглоссы со значением «сырое мясо». Позже эту классификацию поддержал Р. Бленч [Blench 2001].

Генетические отношения языков ква между собой исследованы недостаточно: не существует надежной системы фонетических и лексических соответствий между языками, многие таксономические выводы построены лишь на сходстве грамматических показателей. Некоторые языки вообще не описаны в достаточной степени, чтобы судить об их генетических связях.

Более или менее надежные сопоставления существуют для отдельных подгрупп, границы которых могут считаться точно установленными. Среди таких подгрупп – языки поту-тано, составляющие в сумме более половины всех языков ква и успешно исследованные в последние десятилетия. Надежно сгруппированы между собой языки гадангме, авикам-алладьян, гбе [Stewart 1994], акан и некоторые другие небольшие подгруппы; однако взаимоотношения этих подгрупп между собой исследованы значительно хуже.

Основными характеристиками фонетической системы языков ква являются система тонов, гармония гласных в словоформе по признаку $\pm$ ATR (advanced tongue root, или степень продвинутости корня языка), а также противопоставление сильных (fortis) и слабых (lenis) согласных. Любопытной особенностью можно назвать также дополнительное распределение обычных и носовых согласных фонем. Все эти признаки настолько распространены в ква, что должны восходить к праязыку [Stewart 1989: 231].

Морфология языков ква также отличается рядом общих типологических свойств. Система именных классов представлена префиксами, сохранившимися в разной степени по языкам. Словообразовательные суффиксы глагола имеют разнообразные значения, от рефлексивных до модальных. Порядок слов в предложении в большинстве языков – SVO; атрибутив следует за определяемым именем. Широко распространены именные послелогии [Williamson, Blench 2000: 30].

Отдельных монографий по реконструкции праязыкового состояния ква не существует. Многочисленные статьи по реконструкции фонетического инвентаря, фонологии и тональной системы праязыка поту-тано принадлежат Дж. Стюарту [Stewart 1973; 1993; 1999; 2000; 2001b; 2002; 2004], стремившегося на основании сравнения материала этой группы с языками банту реконструировать модель праязыка бенуэ-ква¹ как модель для реконструкции нигеро-конголезского праязыкового состояния. Им же опубликовано около сотни лексических реконструкций [Stewart 2002: 214–223; 2004], в числе которых – два личных местоимения. Иной список лексических сопоставлений для группы центрально-тоголезских языков опубликован Р. Бленчем [Blench 2001], однако он не содержит реконструкций праязыковых форм.

Сравнительно-исторический анализ личных местоимений языков ква как комплексной подсистемы морфологии проводится впервые. Основным рабочим материалом для настоящего исследования являются многочисленные статьи, монографии, а также неопубликованные диссертационные работы и рукописи, посвященные описанию отдельных языков и диалектов, обзору их грамматики. Кроме того, в работе использованы словари и словники, собранные зарубежными исследователями в течение XIX–XX веков и последнего десятилетия. Некоторые формы приведены по материалам базы данных, составленной и размещенной в сети Интернет Г. Сежерером [Segeer 2002–2007], однако все они выверены по первоисточникам. Всего в работе использованы материалы около пятидесяти языков, представляющих все основные ветви и подгруппы семьи ква, включая и языки, считающиеся изолятами в рамках своей группы. Некоторые крупные языки (например, эве, акан) представлены несколькими диалектами, которые указаны через дефис: акан-фанти, аканаквапим, эве-адангбе и др. Там, где записи различных источников дают разночтения, приводятся формы всех источников с соответствующими ссылками.

Так как по своей морфологической структуре языки ква являются преимущественно аналитическими, система личных показателей представлена в основном независимыми личными местоимениями, маркирующими субъект и объект глагола, а также притяжательность. В отдельных языках эти значения передаются связанными глагольными показателями (например, в секпеле, логба, лелеми). Чаще всего в языке действует несколько серий субъектных местоимений: глагольные (именно они иногда носят характер префиксов или клитик), независимые (называемые также ударными или эм-

¹ В терминологии Дж. Стюарта, «Proto-Potou-Akanic-Bantu» (PPAB).

фатическими) и реже возвратные. Так, в языке акан (диалект аквапим) действуют три серии субъектных форм (*mi* 'я', *miara* 'именно я', *máṅkasa* 'я сам') и две серии форм объекта (*mi* 'меня, мне', *meḥú* 'меня самого, мне самому'). Кроме того, в языках ква функционируют притяжательные морфемы: местоимения, прилагательные или именные аффиксы (акан-аквапим *me* 'мой (приименное)', *méde* 'мой (независ.)') [Riis 1853: 85–88].

Для личных местоимений в ква характерна оппозиция форм первого и второго лиц и местоимений третьего лица: легко показать, что последние по происхождению являются именными классными префиксами. Это явление характерно и для соседних бенуэ-конголезских языков [Babaev 2008], а также многих других языков нигеро-конголезской макросемьи. Типологически подобное противопоставление имеется в огромном большинстве языков мира, в том числе индоевропейских, где личные местоимения третьего лица происходят из указательных местоимений. Ряд исследователей, в том числе африканистов, все чаще выделяют третье лицо, исключая его из парадигмы личных местоимений [Creissels 1993].

Это целесообразно сделать и в настоящей работе, где данные о местоимениях третьего лица будут привлекаться лишь эпизодически для демонстрации различных диахронических структурных процессов, например парадигматического выравнивания по аналогии. В частности, в языках ква, как и в бенуэ-конго, весьма распространен процесс вытеснения древних местоимений второго (а нередко и первого) лица множественного числа местоимениями третьего лица [Delafosse 1904: 29], что сильно затрудняет реконструкцию (см. подробнее об этом ниже).

В некоторых языках ква личные местоимения демонстрируют расширение категории числа: в 1 л. мн. ч. здесь функционируют инклюзивные и эксклюзивные местоимения (например, в аньи, бауле, абуре, адьюкру). Местоимения могут также принимать на себя некоторые глагольные категории: различаться по времени (адьюкру *ya* 'ты' (наст. вр.) vs. *i* 'ты' (прош. вр.)) или виду (аделе *tí* 'мы' (перфект) vs. *téé*). Иногда эти категории выражены лишь тоном местоимения (например, в аброн, аньи – имперфектные и перфектные формы). В ряде языков утвердительные формы местоимений противопоставлены отрицательным и вопросительным (например, в языках селе, аброн); в адьюкру существует противопоставление местоимений в прямой и косвенной речи [Hill 1995]. Есть системы, имеющие особые формы для различных наклонений (например, крачи). Все эти характеристики не являются широко распространенными, а насколько они могут восходить к праязыковому состоянию, мы рассмотрим ниже, при анализе личных местоимений каждой из четырех форм лица / числа.

При обсуждении местоимений ква в настоящей работе мы принимаем модель из четырех серий, традиционно используемую при анализе личных показателей в языках банту: субъектные, объектные, притяжательные и эмфатические (независимые). Такая структура, безусловно, не совсем корректно отображает реальность в языках ква: к примеру, так как в большинстве языков личные субъектные показатели синтаксически независимы, их формы часто совпадают с формами независимых / эмфатических местоимений. Однако для удобства изложения материал будет подан именно в таком, традиционном, виде. Языки в таблицах отсортированы по подгруппам согласно схеме на Рисунке 1, в скобках через запятую указаны названия групп и, если необходимо, подгрупп. Формы местоимений через запятую указывают на морфологические модификации или разноречивые данные: в различных источниках могут быть представлены разные диалекты, возможно также, что в ряде случаев мы имеем дело с неточностью записи. Формы, разделенные знаком косой черты, указывают на аллофоны, варьирующие в зависимости от последующей фонемы или гармонии гласных. Курсивом выделены формы, тон которых меняется в зависимости от видо-временного или иного морфологического значения глагола.

1.1 ЛИЦО ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Таблица 1

	субъект	объект	притяжат.	эмфат. / независ.
эве (гбе) ²	mè, ma (юсс.)	m	лè	лè
эве-адангбе (гбе) ³	mē	ñ	-лè, àfè-	ēлè
ген (гбе) ⁴	mù	mù	àrè, лè	èлè, лè
гун (гбе) ⁵	(ù)n	-mì	cé	лè
фон (гбе) ⁶	ùn	лè, mì	cè, лè	лè
ньянгбо-тафи (аватиме- ньянгбо) ⁷	é / è (наст., буд., аор.), mè (перф., хаб.), í	mè	ме / m-	mešú (возвр.)
аватиме (аватиме- ньянгбо) ⁸	mè / mà	mē / ме	mē / m-	mé
бовили (кпосо) ⁹	m, mí, лie	дат.п. yí	n-	
иго (кпосо) ¹⁰				ōmī
кебу (кебу-анимере) ¹¹	má			
анимере (кебу-анимере) ¹²	mυ			
абе (агнеби) ¹³		má		má
абиджи (агнеби) ¹⁴	m-	-mú		èmè
адьюкру (агнеби) ¹⁵	mí-, ma / m- (наст.), me (прош.)	-m	èm / am / em	èm, mes, me, mí
алладьян (авикам- алладьян) ¹⁶	mē / mē, m (+V), ред. nì		mē	mē
авикам (авикам- алладьян) ¹⁷	m- / ме, ma (только утв.)	-m̃	m̃	àm̃, mí, me
га (га-дангме) ¹⁸	Ń- (наст.), mí- (хаб., сосл., аор.), má- (буд.), m̃m̃- (прогр.), mì	m̃	m̃	m̃
дангме (га-дангме) ¹⁹	i	mĩ	yée	àmĩ

² [Schadeberg 1985; Agbedor 1996]

³ [Sprigge 1976]

⁴ [Bôle-Richard 1983c]

⁵ [Aboh 1997: 31]

⁶ [Lefebvre, Brousseau 2002]

⁷ [Funke 1910: 173–176]

⁸ [Funke 1909; Kropp Dakubu 1967: 59–60; Schuh 1995a; 1995b]

⁹ [Westermann 1922: 28; Starwalt 2008: 29]

¹⁰ [Stewart, manuscript: nos. 585–588]

¹¹ [Blench 2001: 35]

¹² [Casali 2006]

¹³ [N'Guessan 1983a]

¹⁴ [Tresbarats 1983]

¹⁵ [Delafosse 1904: 53; Hérault 1976; Hill 1995]

¹⁶ [Delafosse 1904: 53; Duponchel, Bertin Mel 1983]

¹⁷ [Delafosse 1904: 53]

¹⁸ [Kropp Dakubu 1976; 2008]

¹⁹ [Apronti 1976]

Таблица 1 (продолжение)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат. / независ.
аделе (поту-тано, басила-аделе) ²⁰	n, ná (перф.), на (буд.), mé/me (отр.)		me	me
эга (поту-тано) ²¹	ní	nó	n-'	ĩnó
логба (поту-тано) ²²	m- / n- / ñ- / un-	-m	amu-	amú
секпеле (поту-тано, лелеми) ²³	ni- / n-, me- / m-, N-	mé	mó / mō	mó / mō
селе (поту-тано, лелеми) ²⁴	n- (хаб. утв., прош. отр.), ko (прогр. утв.), noo (прогр./буд. отр.), nin (отр.), le / la (прош.)	mi	nīi	āmi
сиву (поту-тано, лелеми) ²⁵	lō-, le / lo	mē	ũ	ĩmēè
лелеми (поту-тано, лелеми) ²⁶	mə-, le- / li-, ne- / ni-	-mi	múná	ámi
аттѐ ²⁷	mē	mē, mē	mē / mē	mē / mē
эбрие (поту-тано, поту) ²⁸	n / me	mi, me		mē
мбато (поту-тано, поту) ²⁹	n / uñ, mā	mō	ñ, mi, me	mē, mō
аньи (поту-тано, центр. тано, сев. биа) ³⁰	me / mi / m		mi, me	mí, mi, momi
аньи-санви (поту-тано, центр. тано, сев. биа) ³¹	mī / N, mi (буд.)	mí	mi, me	mí, me
бауле (поту-тано, центр. тано, сев. биа) ³²	me, m- (+V), N- (+C), mi (буд.)	mī (+V)	n+C, mī+V	mī, mí
нзема (поту-тано, центр. тано, юж. биа) ³³	mi- / mi-, me		me	mi
аброн (поту-тано, центр. тано, акан) ³⁴	m / me, mī (буд.)	m, mī	ín (mi, me)	mí
акан (поту-тано, центр. тано, акан) ³⁵	me- / mi- / ma-	me	me	m(c) / mi

²⁰ [Westermann 1922: 49]²¹ [Bôle-Richard 1983b]²² [Westermann 1903: 29]²³ [Westermann 1922: 8; Allan 1980]²⁴ [Allen 1980]²⁵ [Westermann 1922: 36 и сл.; Iddah 1980]²⁶ [Kropp Dakubu 1967: 7; Höftmann 1971]²⁷ [Delafosse 1904: 28; Kutsch Lojenga, Hood 1983]²⁸ [Delafosse 1904: 28; Bôle-Richard 1983a]²⁹ [Delafosse 1904: 28; Grassias, Bôle-Richard 1983]³⁰ [Delafosse 1900: 49–54]³¹ [Delafosse 1904: 122; Burmeister 1983b]³² [Delafosse 1904: 122; Timyan-Ravenhill 1980; N'Guessan 1983b]³³ [Delafosse 1904: 122; Clopper 2001: 2]³⁴ [Delafosse 1904: 122; Timyan-Ravenhill 1983]³⁵ [Christaller 1933]

Таблица 1 (окончание)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат. / независ.
акан-аквапим ³⁶	mi	mi	me	miaga
акан-фанти ³⁷	mi- / ma-	-mi	mí- / má-	ími
гичоде (поту-тано, тано, сев. гуанг) ³⁸	ně / ná, Ñ, mĩ	mě	mĩ / mě / m'	mĩ
гиньянга (поту-тано, тано, сев. гуанг) ³⁹	nè / n', Ñ	mĩ	mĩ / mě / m'	mĩ
домпо (поту-тано, тано, сев. гуанг) ⁴⁰	mi			
гонджа (поту-тано, тано, сев. гуанг) ⁴¹	mé, Ñ	má	má / m-	má
нконья (поту-тано, тано, сев. гуанг) ⁴²	no- / nɔ- / ne- / nɛ-	me	me	me
нчумуру-банда (поту- тано, тано, сев. гуанг) ⁴³	m-	m / mu		mu
нчумуру-беджамсо-груби (поту-тано, тано, сев. гуанг) ⁴⁴	mě / mi (не прош. утв.), ø- (не прош. отр.), mǣ (прош. отр.), N- (усл.)	mě	mǣ / mě, N (неотчужд.), m- (+V)	mě
черепон (поту-тано, тано, юж. гуанг) ⁴⁵	mí	mí	mí	mí
абуре (поту-тано, зап. тано) ⁴⁶	m	mĩ	mĩ, (me, m')	me, mĩ / mí
эотиле (поту-тано, зап. тано) ⁴⁷	N-, me	mɛ	me, m', mi	mɛ / mi
кробу (поту-тано, тано) ⁴⁸	mǣ, N	mǣ		mǣ

Можно выделить две группы форм, наиболее распространенных для маркировки субъекта в языках ква:

- 1) *me / mi / ma / mu / m- / N-*;
- 2) *ne / nɛ / ni / na / no / n-*.

Символом *N* обозначается так называемый «переменный» носовой звук, артикуляция которого зависит от последующего согласного: он выражается как *m-* перед губными, *n-* перед зубными и *ɲ-* перед заднеязычными согласными. Тем не менее, т.к. перед гласными этот показатель стабильно звучит как *m-*, можно утверждать, что *N-* относится к группе показателей на *m-*.

Форма *ma*, как правило, является обусловленной фонетическим окружением (например, в акан-фанти), вне которого основной формой является *mi* или *me*. В не-

³⁶ [Riis 1853: 85–88]

³⁷ [Welmers 1946: 33–34]

³⁸ [Cleal 1976a]

³⁹ [Cleal 1976b]

⁴⁰ [Blench 2007]

⁴¹ [Painter 1980a]

⁴² [Reineke 1972]

⁴³ [Cleal, Price 1980]

⁴⁴ [Cleal, Price 1980]

⁴⁵ [Painter 1980b]

⁴⁶ [Delafosse 1904: 28; Burmeister 1983a]

⁴⁷ [Delafosse 1904: 28; Нйрault 1983]

⁴⁸ [Mensah 1983]

которых языках (например, авикам) *ta* характеризует морфологически маркированные формы утверждения, отрицания, вида или времени: это явление характерно и для языков бенуэконго, где форма *ta* в 1 л. ед. ч. чаще всего маркирует недавнее прошедшее время или перфект (например, в языках кросс-ривер, ср. [Babaev 2010]). Аффикс *-a-* является стандартным маркером перфекта и во многих языках ква [Timyan-Ravenhill 1980]. Форма лелеми *mɔ-* возникла по аналогии с 1 л. мн. ч. *bɔ-*, а форма *m-* является результатом редукции гласной фонемы (как правило, перед другой гласной). Таким образом, основными кандидатами на праязыковую форму субъектного местоимения являются *mi* и *me / mɛ*. Никакого географического или морфологического распределения между ними не заметно: разве что в языках центральной подгруппы тано форма *mi* используется в будущем времени, а *me / m-* является немаркированной.

Рассмотрим теперь группу показателей *n-* / *ɲ-* / *nV*⁴⁹. Эти показатели обнаруживаются в языках всех основных ветвей и, тем самым, не могут считаться инновацией отдельной подгруппы. Наиболее характерным является то, что, в отличие от группы *m-* / *mV*, эти показатели фигурируют преимущественно в субъектной серии и очень редко используются для маркировки объекта, притяжательности или эмфазы. Такие редкие примеры свидетельствуют об аналогическом распространении *n*-форм из субъектной на другие серии по отдельным языкам: это прежде всего языки эга, бовили и подгруппа языков гбе. Форма селе *ni* содержит притяжательный маркер *-n-* / *-l-*, не имеющий значения лица.

Естественно предположить поэтому, что формы на *n-* по своему происхождению являются субъектными. Это полностью подтверждается данными внешнего сравнения с бенуэ-конголезскими языками, в частности, банту, где рефлекс **ɲi-* являются глагольными субъектными префиксами, а прочие три серии личных показателей происходят из несубъектного независимого местоимения **me*. Такое состояние реконструируется не только для праязыка банту, но и для прабантоидного [Babaev 2008].

В языках ква гласный праязыкового показателя на *n-* не столь очевиден – прежде всего из-за фонетических процессов, гармонии гласных и слияния с различными видо-временными показателями, что привело к многочисленным вариантам вокализации. Нередки и случаи выравнивания парадигмы по аналогии, например, в нконья, где формам 1 л. ед. ч. *no / nɔ-* / *ne-* / *nɛ-* соответствуют формы 2 л. ед. ч. *fo-* / *fɔ-* / *fe-* / *fɛ-*. Тем не менее, по совокупности сравнимых форм можно предположить наличие в праязыке ква субъектного показателя с передней гласной, который мы обозначим как **nɪ*. Группа гбе позволяет предположить, что согласной фонемой в праязыке могла быть и **ɲ-*, однако материалы других языков не позволяют это подтвердить.

Таким образом, для праязыка ква можно предположить как минимум два субъектных показателя: **nɪ* и **mi / *me*, из которых первый обладал строго значением глагольного субъекта. Первоначальное же значение второго можно определить как «не-субъектное»: форма на **m-* маркировала посессив, объект глагола и независимое местоимение в роли именного сказуемого, а на субъектную серию распространилась позже по аналогии. Первоначальная дистрибуция или следы ее сохранились, тем не менее, в некотором количестве языков (например, в сев. гуанг).

Здесь мы наблюдаем ситуацию, типологически идентичную индоевропейским языкам, где рефлекс местоимения 1 л. ед. ч. **me*, маркировавшего в праязыке объектные формы и притяжательность, в ряде языков (кельтские, иранские, индоарийские) начинают вытеснять старое субъектное местоимение **eg'h(om / ɔ)*. В тех же языках, где противопоставление сохраняется, подчас наблюдается ситуация, аналогичная рассмотренной нами в ква: ср. франц. *je* (субъект глагола) vs. *me* (объект), *mon* (посессив), *moi* (объект / именное сказуемое / эмфаза).

Первоначальный вокализм переднего гласного в **mi / *me / *mɛ* мы вряд ли выясним путем сравнения. Можно лишь заметить, что ни в одном языке в ячейке субъекта не фи-

⁴⁹ К рефлексам **n-* относятся и местоимения *le / li / lo* в языках подгруппы лелеми, подвергшиеся регулярному переходу *n > l*.

гурируют вместе *mi* и показатели на *n*-. Там, где *m*- и *n*-формы сосуществуют, вокализм *m*- всегда иной: это преимущественно *me / mɛ*. Для праязыка ква мы восстанавливаем **me / *mɛ / *mi*, учитывая гармонию гласных по признаку $\pm$ ATR. Эти варианты соответствуют и данным праязыка бенуэ-конго [Babaev 2010]. Дж. Стюарт также реконструирует формы **mī / *me* для праязыка бенуэ-ква [Stewart 2002: 222].

Формы объектной серии не дают нам возможности вычленить какие-либо особые характерные маркеры. Доминирующими формами здесь являются те же *mi / me / mɛ*, которые мы видели в субъектной серии, а также редуцированный вариант *m*, появляющийся в тех языках, где глагольный объект выражен аффиксом. Там, где между формами субъекта и объекта есть различие тона, оно не является системным. Мы склонны восстановить объектный показатель как **me / *mɛ* – идентичный независимому местоимению и потому не составляющий особой серии.

Идентично, по-видимому, выглядело и притяжательное местоимение, материально в большинстве языков ква не отличающееся от форм независимого эмфатического местоимения. Единственное его отличие синтаксическое: притяжательное значение появляется у местоимения в препозиции к существительному: эве *lè* ‘именно я’, *lè ágɔ* ‘мой кокосовый орех’ [Schadeberg 1985: 16–18].

В некоторых случаях посессивное местоимение содержит в себе аффикс расширения, имеющий общее притяжательное значение для всей парадигмы: лелеми 1 л. ед. ч. *míná*, 2 л. ед. ч. *fúlá*, 1 л. мн. ч. *búlá*, 2 л. мн. ч. *míná*. В языках ген и эве-адангбе это расширение префиксальное: ген *ap-ê* ‘мой’, *àp-ô* ‘твой’. Подобные случаи известны в большинстве семей нигеро-конголезских языков и объясняются преимущественно застывшими классными префиксами, которые маркировали в посессивной конструкции не только само имя, но и определения к нему, ср. в языке эсимби (бантоидный):

<i>fɪ-ŋkōbī</i>	<i>f-ā</i>	<i>f-yā</i>
19.CL-статуя	19.CL-мой	19.CL-DEF
‘моя статуя’ [Tamanji 2006]		

При этом местоимение, маркируемое классным префиксом, принадлежит к независимой серии. Таким образом, это еще раз подтверждает причину материального сходства притяжательных и независимых местоимений: в праязыке (ква, а возможно, и бенуэ-ква, и выше) грамматически выделенного подкласса притяжательных местоимений не существовало, вместо них функционировали независимые местоимения: в данном случае пра-ква **me / *mɛ / *mi*.

Наконец, проанализируем серию независимых (эмфатических) личных местоимений. Синтаксическое значение этой серии в большинстве языков схоже: оно выступает для дополнительного выделения субъекта (в предложениях типа ‘Именно я разбил окно’) или там, где местоимение служит именным сказуемым (в предложениях типа ‘Это я’). Можно выделить три основные морфологические модели эмфатического местоимения в языках ква:

- 1) местоимение аналогично субъектной форме, восходящей к **me / *mɛ / *mi*;
- 2) местоимение построено по схеме «*V*- + независимое местоимение», т. е. содержит вокалический префикс;
- 3) местоимение построено по схеме «независимое местоимение + суффиксальное расширение» (аквапим *miara*, сиву *m̄m̄ɛɛ* и пр.).

Наиболее очевидным является происхождение форм третьего типа: суффиксация придает древнему независимому местоимению дополнительные оттенки значения: иногда это эмфаза, иногда рефлексивность (как в ньянгбо-тафи *mɛšú*, возможно, родственном адыюкру *mes*). Такие расширения распространены на всю парадигму лиц / чисел, так что сомнения в их значении не возникает. Вместе с тем они, безусловно, повсюду являются поздними образованиями и не восходят к праязыку.

Формы второй разновидности имеют замечательную параллель в бенуэ-конголезских языках, в том числе в банту и других бантоидных языках, где независимое не-субъектное местоимение 1 л. ед. ч. реконструируется как **Vme*. Существует несколько гипотез о природе вокалического префикса: его выводят из указательной частицы **ya-*

[Meinhof 1906: 35; Werner 1919: 86–87] или называют «ассоциированным маркером» (associated marker), который очень распространен в языках бенуэ-конголезской семьи. Логично предположить, что форма, к которой восходят иго *ĩmĩ*, абиджи *ẽmẽ*, авикам *ámé*, логба *amú*, лелеми *ámi*, акан-фанти *ími*, не только образована по тому же принципу, но и может быть реконструирована на уровне праязыка ква (и, следовательно, бенуэ-ква) как **Vme / *Vmẽ / *Vmi*, или обобщенно **VmI*, где первая гласная фонема принадлежит заднему ряду, а вторая – переднему.

В результате проведенного анализа мы можем восстановить следующие три формы личных показателей для праязыка ква, образованные от двух лексических корней:

- *nI-* хронологически древнейший субъектный префикс глагола;
- *me / *mẽ / *mi* независимое именное (не-субъектное) местоимение, распространившееся на формы субъекта уже в праязыке;
- *Vme / *Vmẽ / *Vmi* независимое эмфатическое местоимение.

К сожалению, на этом этапе говорить о тональной структуре праязыковых форм не приходится: для этого необходим значительно более глубокий сравнительный анализ. Вместе с тем нужно отметить, что некоторые выводы на имеющемся материале можно сделать и о просодии местоимений в праязыке ква – что, видимо, должно стать предметом более объемного исследования.

2.2 ЛИЦО ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Формы 2 л. ед. ч. для языков ква приведены в Таблице 2.

Таблица 2

	субъект	объект	притяжат.	эмфат. / независ.
эве	è, nè (dep.)	wò	wò	wò
эве-адангбе	ē	wō	áfē-, -wō	ēwō
ген	ò	ò	àpò, ò	èò
гун	à	-wè	-tòwè	jè
фон	à	wè, hwè	tówé, hwè	hwè
ньянгбо-тафи	wɔ / wo	wɔ / wo	wɔ / w-	wɔʃú (возвр.)
аватиме	wò / wɔ	wō / wɔ	wɔ / w-	wɔ
бовили	õ- / ɔ-, nɔ			
иго				õwē
кебу	là			
анимере	wo			
абе		fā		fəl
абиджи	f-	-fú		èfè
адьюкру	ø-, ya (наст.), i / e (прош.)	-ɲ	ɲi, ɲ	ɲ, i
алладьян	ē / ē / a (отр.), wo / w' (утв.)	vě (топик.)	vē, e	vē, vē (топик.), e
авикам	a-	-à	à	àyé, a
га	ó- (перф., сосл.), ò- (аор.), òò- (прогр.)	bò / ò	ó	bò
дангме	o	ò	ó	mò
аделе	á, a (буд.)		ai	áwo
эга	ó	ɣó	ɣ-	ĩɣó
логба	a-	-u	au-	aú
секпеле	a-, e-	fœ, fe	fé / fě	fě / fé

Таблица 2 (окончание)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат. / независ.
селе	fan- (хаб. утв.), fa- (прош. отр.), foo- (прогр. утв.), fo- / fɔ- (отр.) и др.	fɔ	lɛfɔ	āfɔ
сиву	ā, fɔ	ɔ	fɔ	fɔɔ
лелеми	a-		fula	awɔ
аттье	bu / bɔ	bū, bó	bū, bó	bū
эбрие	è	e	e, è	hè, e
мбато	a / ā		ā	hē, a
аньи	wo, w- (+V), o, e / è (диал.)		wo, o	wɔ
аньи-санви	ɛ	wɔ	wo, è	wɔ
бауле	a, wo, è	wɔ (+V)	ɔ (+C), wɔ (+V)	wɔ (+V), wɔ
нзема	e- / ɛ-, ho		è	wè
аброн	ɔ, wo, u (вопр., отр.)	ò	ó, wo	wó
акан-ашанти	wo-, i- / a-, wu-, woa-	wo	wo	wo
акан-аквапим	wo	wo	wo	wóara
акан-фанти	i- / a-, wu / wa	-wu		íwu
домпо	wo			
гонджа	fé, fó	fó	fó	fó
нконья	fo- / fɔ- / fe- / fɛ-	fo	fo	fo
нчумуру-банда	fɪ-	fɪ		fɪ
нчумуру-беджам- со-груби	fe / fi (не-прош. утв.), fɪ / fɛ (не-прош. отриц.), fɛ (прош. отриц.), fé (усл.)	fɪ (неот- чужд.)	fé, f- (+V), fɪ (неотчужд.)	fɪ
черепон	wɪ	wɪ	w	wɪ
абуре	ɛ	wɔ	wɔ, w'	wɔ
эотиле	e		e, è	fo, e
кробу	bo	bó		bō

Практика показывает, что местоимения 1 л. ед. ч. в праязыках легче поддаются реконструкции, чем его соседи по парадигме. Это правило работает и в языках ква: разброс форм, который мы видим в Таблице 2, значительно шире, чем набор форм для 1 л. ед. ч.

Среди приведенных местоимений можно, тем не менее, выделить основные модели:

- 1) Формы типа wV , где гласный принадлежит преимущественно заднему ряду. Сюда же относятся не-субъектные формы эга и авикам $(V)ɔ$, демонстрирующие регулярное фонетическое соответствие с другими языками ква.
- 2) Формы типа fV , отличающие две группы языков – лелеми и южные гуанг. В этих языках начальное f -регулярно соответствует w - других языков ква, так что общее происхождение этих двух моделей не подлежит сомнению.
- 3) Формы типа bo / bi в двух изолированных языках аттье и кробу со всей очевидностью восходят к тому же корню⁵⁰.
- 4) Чисто вокалические формы, разбросанные по всем подгруппам семьи ква. Среди них наиболее распространены формы a / a - (гун, авикам, аделе, логба, секпеле,

⁵⁰ Эта любопытная изоглосса заставляет подумать о возможности генетического объединения двух языков, для которого, конечно, нужно искать и другие соответствия.

сиву, лелеми, мбато, бауле, акан), *e / e- / ε* (эве, адьюкру, алладьян, эбрие, аньи, нзема, абуре, зотиле), *o / o- / ѳ*- (ген, бовили, га, эга, аньи). Сюда же, возможно, относятся формы с преаспирацией вроде нзема *ho*.

Таким образом, мы имеем дело с двумя группами местоименных форм 2 л. ед. ч.: условно обозначим их как *wV* и *V*. При этом заметно наличие между ними морфологического распределения, сходного с тем, что мы наблюдали при анализе 1 л. ед. ч.: формы *V* употребляются в основном в субъектной серии, в то время как местоимения типа *wV* равномерно распределены по всем рядам и нигде не наоборот. Бинарное противопоставление *V* (субъект) – *wV* (прочие серии) наблюдается в эве, гун, алладьян, авикам, аделе, эга, секпеле, лелеми, аньи-санви, акан, абуре, т. е. во всех основных подгруппах, что позволяет реконструировать это явление на уровне праязыка ква. Эта гипотеза подтверждается данными внешнего сравнения: в бенуэ-конголезском праязыке восстанавливается аналогичная картина [Babaev 2008; 2010]. Распространение форм **wV* на форму субъекта глагола, которое мы видим во многих языках семьи, происходило в процессе выравнивания парадигмы. В серии эмфатических местоимений мы видим модель *Vwe / Vwo*, аналогичную по структуре той, что рассматривалась в 1 л. ед. ч.: соединение независимого местоимения с вокалическим префиксом, так называемым «ассоциирующим маркером». Эта изоглосса присутствует в иго, абиджи, авикам, аделе, эга, селе, лелеми, акан-фанти и может быть возведена к праязыку.

Гораздо сложнее определить фонетический, особенно вокалический состав праязыковых форм в отсутствие разработанной системы фонетических соответствий между языками ква и реконструкции праязыковой фонетической системы. Очевидно, что формы **V* и **wV* оказали друг на друга влияние, выравнивая вокализм в пределах парадигмы. Помочь в этой ситуации также могут данные внешнего сравнения: для бенуэ-конголезского языка восстанавливаются формы **v̥-* (глагольный субъект) и **(à)wo* (независимое местоимение) [Babaev 2010].

Согласно реконструкции фонетических соответствий между языками поту-тано и банту, сделанной Дж. Стюартом, фонетическое сочетание поту-тано **wv* может соотноситься с банту **kv*. Это ставит вопрос о возможном родстве форм ква с объектным личным аффиксом банту **-kv-*: форма праязыка бенуэ-ква в этом случае должна быть реконструирована как **kwi* [Stewart 2002]. Однако эта любопытная гипотеза не представляется обоснованной: как в банту, так и в других языках бенуэ-конго существует огромное количество независимых и субъектных глагольных местоимений 2 л. ед. ч., восходящих к **wo / *we*, и мы не имеем возможности установить, чему соответствуют аналогичные формы в языках ква: формам на **w-* или объектному аффиксу **-kv-*, который, к тому же, за пределами банту не представлен.

Прочие формы Таблицы 2 можно назвать единичными новообразованиями, например, кебу *lā*, бовили *no*, адьюкру притяжательное *li*. Происхождение этих местоимений еще ждет своего объяснения.

Результатом нашей реконструкции являются три формы местоимений 2 л. ед. ч., восходящие, по-видимому, к двум генетическим корням:

<i>*o- / u-</i>	глагольное (субъектное)
<i>*wo / *we</i>	именное (не-субъектное)
<i>*Vwe / Vwo</i>	эмфатическое

3.1 ЛИЦО МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Формы местоимений 1 л. мн. ч. языков ква приведены в Таблице 3.

Таблица 3

	субъект	объект	притяжат.	эмфат. / независ.
эве	<i>míe</i>	<i>mí</i>	<i>mía</i>	<i>míawó</i>
эве-адангбе	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>míá mé-</i>	<i>míá wó</i>
ген	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>míá</i>	<i>míáo</i>

Таблица 3 (продолжение)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат. / независ.
гун	mí	-mí	-mítɔn	mílé
фон	mí	mí	mí	mí
ньянгбо-тафи	blɔ- / bɔ- (<i>перед l, d</i>)	blɔ, lɔ	blɔ / bl-	blɔʃú
аватиме			blɔ̃ / bl-	bé (экскл.), blɔ̃ (инкл.)
бовили	bo- / bu-		buc	
иго				ówò
кебу	lɔ			
анимере	wo			
абе				èlɔ
абиджи	ɾ-			èrè
адьюкру	s- / se / si- (инкл.), we (экскл.)	ɛy	èpum, ɛy	èy, si, ɛs
алладьян	bɔ̃ / bō	bɔ̃	bɔ̃ / bō	bɔ̃, bɔ̃ (топик.)
авикам	o- / ɔ- (+C), w- / wa (+V)	-wà	ò / ɔ̃, wa	áwá, wa
га	wɔ̃- (прогр., буд., аор.), wɔ̃- (перф.)	wɔ̃	wɔ̃	wɔ̃
дангме	wɔ̃	wɔ̃	wà	wɔ̃
аделе	tée, tí (перф.), te (буд.)		tí	eté
эга	wá	wé	w-'	īwé
логба	atí	-tu	atu	atú
секпеле	bo-	bu, bo	bɔ̃, bó	bɔ̃, bó
селе	mɔn- (хаб.утв.), bwo- / bwa- (прогр./прош. утв.), bu- (прогр./прош. отр., буд.), mu- (прош.отр.)	-wo	lɔo	āwo
сиву	bō	bō	bō	bōò
лелеми	bɔ̃-		búlá	ábù
аттье	hã, a, an	hã, hã, a, an	hã, hã, a, an	hã, hã, a, an
эбрие	o		lo	lò
мбато	lo / nɔ̃, do		lɔ̃, do	lɔ̃, do
аньи	jɛ, ye / e (экскл.), ame (инкл.)		ye, ame	jé / yé, ye, ame
аньи-санви	jɛ, ye (экскл.), ame (инкл.)	jé	ye, ame	jé
бауле	e, ye (экскл.), ame (инкл.)	ye, ame	ye, ame	é, ye, ame
нзема	ye (экскл.), yame (инкл.)		ye, yame	ye, yame
аброн	ye (экскл.), ame (инкл.)	jè ?	ye, ame	ye, ame
акан-ашанти	yɛ- / ye- / yɛa- (экскл.), ame (инкл.)	yɛɲ	yɛɲ	yɛɲ, hɛn
акан-аквапим	yɛɲ	yɛɲ	yɛɲ	yɛɲara
акан-фанти	ye- / ya-, hɛn		hén-	íhɛn
гичоде	à	áyé	áyí / àyé	áyé
гиньянга	à	àní	àní / àné	àní
домпо	aniya			
гонджа	àN, àné	àné	àné bá	àné
нконья	a- / ã-	ane	ane	ane
нчумуру- банда	ànɪ	ànɪ		ànɪ

Таблица 3 (окончание)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат. / независ.
нчумуру- беджамсо- груби	an- (+V), àné (+C)	àné	an- +V, àné + C	àné
черепон	èní	èní	èní	èní
абуре	jε / ye / e (экскл.), ame (инкл.)	jè, e, ame	e, ame	e, ame
эотиле	ye (экскл.), ame (инкл.)		ye, ame	ye, ame
кробу	ně	ně		ně

Начнем с выделения наиболее распространенных групп местоимений, которые мы могли бы возвести к праязыку.

Местоимение **mí* в языках гбе может быть реконструировано на уровне праязыка подгруппы, но не выше: за ее пределами оно не встречается. Заметим фонетическую близость этой формы с формой 2 л. мн. ч. (см. ниже): они различаются только тоном и явно являются продуктом аналогического выравнивания. Воздействие форм третьего лица множественного числа или, шире, плюрального маркера **bI- / *mI-* здесь может быть предположено как гипотеза. Вряд ли вероятна связь этой инновации с местоимением 1 л. ед. ч. **me*. Суффиксы *-á*, *-áwó*, *-áo* являются распространенными эмфатическими аффиксами имени в языках гбе.

Формы *bo / bu / wo / wa* фиксируются во всех основных ветвях ква, кроме групп языков гбе и тано. Происхождение этой формы определено связано с нигеро-конголезским классным префиксом лиц множественного числа **bV-* [Williamson, Blench 2000: 40], который в ква нередко маркирует всю парадигму личных местоимений мн. ч. (например, секпеле *bo* 'мы', *ba* 'вы', *ba* 'они'). Это явление характерно и для бенуэ-конголезских языков [Babaev 2010], где данный классный префикс присоединяется к собственно корню личного местоимения (ср. ниже о формах 2 л. мн. ч.). Однако в результате процессов фонетического упрощения местоимение 1 л. мн. ч. часто приобретает вид *bV*: ср. *bà* 'мы' в укаан [Jungraithmayr 1973: 47], *wa / awa* 'мы' в дефоидных языках йоруба и игала [Philpot 1935; Ohiri-Aniche 1999]. Соответствие в начальной позиции смычного *b-* в одних языках ква сонанту *w-* в других довольно широко распространено. Вытеснение местоименной формы 1 л. мн. ч. плюральным классным аффиксом могло иметь место уже в ряде диалектов праязыка ква.

Форма *ye* является местоимением 1 л. мн. ч. языков тано со значением эксклюзивности, которое ряд исследователей-африканистов ранее принимали за двойственное число [Delafosse 1900: 49]. К этой же форме генетически относятся формы, обозначенные в Таблице 3 как *je*, представляющие собой результат неверной транскрипции. Так как эти формы являются достоянием только группы тано, у нас нет возможности без дальнейшего анализа постулировать для них праязыковое происхождение. При этом анализ различных форм языков тано позволяет предположить фонетическое развитие этого местоимения **je > ye > e*, с отпадением начальной носовой фонемы, которая, тем не менее, остается видна в интервокальном положении в эмфатических формах с уже известным нам префиксом **V-* (в данном случае **à-*): домпо *aniya*, гонджа *àné*, нконья *ane*, нчумуру *àní / àné*, черепон *èní*. Разные ступени этого процесса отчетливо видны в близкородственных языках гиньянга (*àné*) и гичоде (*àyé*).

Все указанные формы объединены общим происхождением и не являются локальным заимствованием: достаточно сказать, что языки кробу и нконья, находящиеся практически на противоположных полюсах ареала ква, демонстрируют идентичные формы.

Данные внешнего сравнения предоставляют некоторый материал для сопоставления с формой тано **(à)le*. Прежде всего это западные бенуэ-конголезские языки: игбоидное местоимение 1 л. мн. ч. восстанавливается как **(a)lì* [Babaev 2010], в ряде языков эта форма трансформировалась в *ye* (экпейе, огба). В языках нупоидной группы мы видим *ye/yi* [Scholz 1976; Smith 1980; Hyman, Magaji 1970; Blench, Doma, manuscript], а в языках ибибио и эфик (группа кросс-ривер) – *ɲlìn* [Cook 1976]. Эти формы не имеют категории кляузности, однако могут свидетельствовать о праязыковом характере местоимения тано.

В тех же языках тано местоимение **ame* выражает значение инклюзивности. Его происхождение может быть связано с местоимением 1 л. ед. ч. **me*, расширенного некоторым плюральным префиксом, однако такого префикса со значением множественности мы в ква не наблюдаем. Зато форма **ame* вполне может происходить из контаминации двух местоимений разных чисел в языках тано: **a-* ‘ты’ и **me* ‘я’. Типологически это явление имеет широчайшие параллели в языках мира: это вообще один из наиболее распространенных механизмов образования инклюзивных форм. Достаточно вспомнить тунгусо-маньчжурские формы *bi-ti, mi-ti, mün-ti* [Rédei 1988: 294] или монгольское 1 л. мн. ч. инклюзива *bide, bida* < **bi* ‘я’ + **ta* ‘вы’ [Рамстедт 1957: 71]. В филиппинском языке илокано инклюзивное местоимение *tauo* представляет собой сложение *ta* ‘мы двое’ и *yo* ‘вы’ [Cysouw 2003: 90]. Инклюзивная форма *yumi* новогвинейского пиджина ток-писин происходит из англ. *you-me* ‘тебя-меня’. Есть параллели и в соседних с ква языках бенуэ-конго: в бантоидном языке йемба слияние местоимений *rèk* ‘мы’ и *re* ‘вы’ дает инклюзив 1 л. мн. ч. *mpè* [Nagto, Naupnes 1991: 18–19].

Вне группы тано категория инклюзивности фиксируется только в аватиме и адьюкру. Данная категория в этих языках является инновацией. Можно сделать вывод, что в праязыке ква этой категории не существовало.

Наконец, следует отметить ряд форм, схожих с местоимениями 1 л. мн. ч. бенуэ-конголезских языков, в том числе банту, а также языков гур: это формы на зубную согласную: аделе *tí, te, eté*, логба *-tu, atu*, мбато *do/lo*, а также адьюкру (инкл.) *s-/se*. С инклюзивом адьюкру сравнимы и видоизмененные формы близкородственных языков абе *èlá* и абиджи *r/èrè*. Сравнение с бенуэ-конголезскими **tù-* (субъектный префикс) и **(à)se* (независимое местоимение) [Babaev 2010] было бы здесь вполне корректным. В бенуэ-конголезских языках есть и уникальная параллель с языком адьюкру: в языке лимбум (бантоидные) местоимениями 1 л. мн. ч. являются *sèè* (инкл.) и *wèr* (экскл.) [Fiore, Resk 1980]. Привлечение материала географически близких языков семьи гур (например, бассари *tí, táá, -ti* [Cox 1998]) делает возможным трактовку **(V)tu / *(V)ti* в ква как реликта древнего праязыкового местоимения, хотя по итогам внутренней реконструкции восстановление этой формы на уровне праязыка ква не бесспорно.

В качестве праязыковых форм местоимений 1 л. мн. ч. нами восстанавливаются следующие:

<i>*(V)tu / *(V)ti</i>	1 л. мн. ч.
<i>*bo / *bu</i>	1 л. мн. ч.
<i>*(à)ne</i>	1 л. мн. ч. эксклюзива (тано)
<i>*ame</i>	1 л. мн. ч. инклюзива (тано)
<i>*mí</i>	1 л. мн. ч. (гбе)

Удивительно, что, хотя все приведенные формы локально распределены по отдельным группам и подгруппам семьи ква, три из пяти (кроме **ame* и **mí*) при этом имеют вполне надежные внешние параллели. Из этих трех, тем не менее, форма **(à)ne*, возможно, также является ареальной инновацией, объединяющей некоторые языки бенуэ-конго и группу тано. Использование **bo / *bu* в качестве маркера 1 л. мн. ч. является, безусловно, древним влиянием плюрального префикса, распространившегося по всему ареалу бенуэ-ква и за его пределами. Генетически надежной, по данным внешнего сравнения, представляется также реконструкция для праязыка ква местоимения **(V)tu / *(V)ti*.

4. 2 ЛИЦО МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Таблица 4

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./независ.
эве	mìe	mì	mìa	mìawó
эве-адангбе	mī	mī	mīā mé-	mīā wó
ген	mì	mì	mìà	mìàó
гун	mì	-mì	-mìtòn	mìlé
фон	mì	mì	mì	mì
ньянгбо-тафи	wɔnɔ-, nɔ-	wɔnɔ, nɔ	wɔnɔ / wɔn-	wɔnɔʃú (возвр.)
аватиме			mlɔ̃ / ml-	
бовили	mì		mì	
кебу	ná			
анимере	ji			
абе				éɲɔ̃
абиджи	f-...-ní			n-êfè
адьюкру	ø-...-í	ɔɲ	ɔɲ	ɔɲ
алладьян	ɲɛ / ɲɛ	ɲɛ̃ (топик.)	ɲɛ̃	ɲɛ̃, ɲɛ̃ (топик.)
авикам	ɔ̃- (+C), w̃- (+V), un	-wǎ	ɔ̃, un	ǎwǎ, unɔ̃
га	ɲɛ́-	ɲɛ̃	ɲɛ̃	ɲɛ̃
дангме	ɲɛ̃	ɲɛ̃	ɲɛ̃	ɲɛ̃
аделе	yée, yí (перф.), ye (буд.)		yi	eyé
эга	ɲū	ɲɛ̃	ɲ-'	īɲɛ̃
логба	ani	-nu	anu-	amú
секпеле	ba	mí	mimí	mimí
селе	mín- (хаб.утв.), bye- / bya- (прогр./прош. утв.), bi- (прогр./ прош. отр., буд.), mi- (прош. отр.)	-ye	lɛ̀è	āyè
сиву	mī	mī	mī	mīi
лелеми		-mí	míná	àmí
аттье	mũ / mɔ̃, mun(e)	mũ, une	mũ, mune	mũ, mun(e)
эбрие	o		lo, o	hɔ̃, lo
мбато	nǎ, u		nǎ, bo	hɛ̃, bo
аньи	amũ, amwĩ		amũ	émó, amwĩ, amũ / amɔ̃
аньи-санви	émó, be	émó	be	émó, be

Таблица 4 (окончание)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./независ.
бауле	a, amũ	amũ	amũ	amũ, ámù
нзема	be- / bɛ-, yame-e		yame-e, be	yame-e, be
аброн	hɔ̃, amene	hɔ̃	amene	hɔ̃
акан-ашанти	mo-, mu-, moa-, amene	mo	mo, amene	mo, hum
акан-аквапим	mu	mu	mu	múara
акан-фанти	hum-	-hum	hum-	íhum
домпо	aniide			
гонджа	bě, bèné	bèné	bèné bá	bèné
нконья	mɛ-	mɛ	mɛ	mɛ
нчумуру-банда	mɪnɪ	mɪnɪ		mɪnɪ
нчумуру-беджамсо-груби	mén, mǎn, mǎně	mǎně	mǎně	mǎně
черепон	ɛní	ɛní	ɛní	ɛní
абуре	vɛ, ama	vé	vé, ama	vé, ama
эотиле	ama		ama	mo, ama
кробу	be	bé		bē

Для языков ква, как уже указывалось выше, характерно использование местоимения 3 л. мн. ч. в значении 2 лица, что приводит в огромном множестве языков к их унификации. Так, сравним формы субъекта 2 и 3 лица мн. ч. ряда языков ква в Таблице 5:

Таблица 5

язык	2 л. мн.ч.	3 л. мн.ч.
секпеле	ba	ba
селе	min- / bye- / bi-	man- / bee- / bo-
мбато	nǎ, u, bo	u, bo
аньи-санви	ɛ́mɔ́, be	be
нзема	be- / bɛ-	be- / bɛ-
гонджа	bě, bèné	bě
абуре	vɛ, ama	vɛ
кробу	be, bē	be, bē

Эта специфическая черта характерна не только для ква: она широко распространена в языках западной и центральной Африки. В эдоидных языках, к примеру, произошло практически повсеместное замещение местоимения 2 л. мн. ч. формой третьего лица (энгенни *ba*, йекхе *βā*, эдо (*ù*)*wà*, окпамхери *we* и т. д.); в языках кросс-ривер мы видим формы тее *bò*, легбо *ba-*, кукеле *beba* ‘вы’ и другие [Babaev 2010]. Даже в считающихся консервативными языках банту это явление широко представлено в северо-западном

и северо-восточном ареалах: например, в акоосе (группа A15) наряду с местоимением 2 л. мн. ч. *lê* 'вы' в том же значении используется форма 3 л. мн. ч. *bé* [Nurse 2007]; в языках баболе (C101), макаа (A83), била (D30) и других формы 2 и 3 лица во множественном числе различаются огласовкой [Heath 2003; Leitch 2003]. Аналогичное вытеснение местоимения 2 л. мн. ч. наблюдается в некоторых языках адамауа (например, дай [Nougayrol 1979]) и манде (например, лигби [Persson, Persson 1980]). В этой связи, формы местоимений 2 л. мн. ч. типа *ba/wa* в языках ква можно с определенной уверенностью считать инновацией довольно древнего происхождения, возможно, имевшей место уже в праязыке.

Среди других форм местоимений можно назвать две формы, восходящие, по-видимому, к праязыку: *ti/to* и *ne/nε*. Первая из них (в аттье, ании, логба, бауле, акан, эотиле и, возможно, абуре *ata*) не засвидетельствована в языках левого берега Вольты, но распространена в большинстве подгрупп группы ньо. Формы с префиксальной гласной типа бауле *ati* могут свидетельствовать об их распространении из эмфатической серии с ее вокалическим префиксом. Местоимение **ti* имеет соответствие в языках бенуэ-конго (банту и бантоид. **mv-*, укаан *mɔ̀*), его реконструкция для праязыка бенуэ-ква (в виде **mv*) предложена в числе других лексем еще Дж. Стюартом [Stewart 2002: 223], с которым мы должны согласиться.

Вторая форма, восходящая к тому же праязыковому уровню, должна быть реконструирована в виде трех вариантов: **ne*, **Vne* и **ml-ne / *ml-ni < *bl-ni*, из которых второй, по-видимому, является по происхождению независимо-эмфатической формой, а последний представляет собой контаминацию с плюральным префиксом. Вокализм этих форм может быть восстановлен лишь предположительно: ясно, что он подвергся масштабному разрушению в результате ассимиляции. Рефлексы этих форм таковы:

**ne*: ньянгбо-тафи *nɔ-*, кебу *ná*, алладьян *lɛ / lē*, га *lɛ́-*, эга *ŋɔ̃*, *ŋē*, логба *-ni*, мбато *nā*;

**Vne*: абе *érā*, адьюкру *ɔ̀l*, авикам *inɔ̃*, эга *īŋē*, логба *ani*, *ani-*, аттье *ine*, домпо *ani-ide*, черепон *èní*;

**ml-ne / *ml-ni / *bl-ne*: гун *milé*, ньянгбо-тафи *wonɔ-*, лелеми *tiná*, аттье *tun(e)*, аброн *atene*, акан-ашанти *atene*, гонджа *bèné*, нчумуру-банда *mini*, нчумуру-беджамсо-груби *mén*.

Соблазнительным было бы сравнить с этими генетически близкими формами также местоимения, подвергшиеся фонетической модификации, например, аватиме *mlɔ̃*, происходящую, вероятно, из **bɔ-nɔ̃*, учитывая близкородственную форму ньянгбо-тафи *wɔɔɔ*. В ряду сходных местоимений 2 л. мн. ч. языков северной подгруппы гуанг (гонджа *bèné*, нчумуру-банда *mini*, нчумуру-беджамсо-груби *māné*) фонетически выделяется форма нконья *mlɛ-*: их общее происхождение из **be-nl* или **bɛ-nl* не вызывает сомнений. Формы аделе типа эмф. *eyé < *Vné* представляют собой результат развития старого **n > *ɲ > *y*, ср. форму в родственном эга *īŋē*.

Таким образом, согласно классификации языков ква мы можем постулировать праязыковое происхождение для всех трех форм: **ne*, **Vne*, **bl-ne*. Исходя же из парадигматических соображений, логично предположить, что местоимение **ne* маркировало субъект глагола, в то время как последние два были независимыми, носившими функцию именного предиката. Об этом может свидетельствовать и оформление второго из них именным классным префиксом **bl-*.

В Таблице 5 приведены и немногочисленные новообразования. Для группы гбе, языка бовили и диалектов подгруппы лелеми восстанавливается местоимение **mí*, подвергшееся взаимному аналогическому воздействию с формой 1 л. мн. ч. **mí*, – в обоих угадывается влияние формы 3 л. мн. ч. В посессивной и эмфатической сериях местоимения прибавляют стандартные именные аффиксы. Происхождение местоимений аброн *hɔ̃* и подобных ему в эбрие и мбато неясно, однако форма аброн, очевидно, генетически связана с местоимением 2 л. ед. ч. *ɔ̃*.

Праязыковое распределение между двумя праязыковыми местоимениями **ти* и **(V)ne / *bI-ne* также неясно. По образцу местоимений ед. ч. можно лишь предполагать, что одно из них было субъектным, другое – не-субъектным. Именно таково распределение между генетически родственными местоимениями в бантоидном праязыке: **mv-* реконструируется как субъектный префикс, **n(u)e / *ben(u)e* – как независимое несубъектное местоимение [Babaev 2010]. Эти данные внешнего сравнения могут помочь обосновать выводы, которые на собственном материале языков ква сделать сложно, в том числе и вывод о вокализме формы ква **ne*, о котором выше нам приходилось лишь гадать.

5. ВЫВОДЫ

По итогам проведенного анализа, парадигма личных местоимений праязыка ква реконструируется в составе двух основных серий: глагольной (субъектной) и именной (не-субъектной), маркировавшей посессивность и независимое именное сказуемое:

Таблица 6

	субъект	не-субъект
1 л. ед.ч.	<i>*nI-</i>	<i>*(V)me / *(V)mε</i>
2 л. ед.ч.	<i>*o- / *u-</i>	<i>*(V)wo / *(V)we</i>
1 л. мн.ч.	<i>*(V)tu / *(V)ti</i> <i>*bo / *bu</i>	
2 л. мн.ч.	<i>*ti</i>	<i>*(V)ne / *bI-ne</i>

Сравним результат с реконструкцией бенуэ-конголезских форм личных показателей, проведенной автором в [Babaev 2008; 2010]:

Таблица 7

	субъект	не-субъект
1 л. ед.ч.	<i>*ɲi-</i>	<i>*(à)me</i>
2 л. ед.ч.	<i>*v̥-</i>	<i>*(à)wo</i>
1 л. мн.ч.	<i>*tù</i>	<i>*(à)ce / *bèce</i>
2 л. мн.ч.	<i>*mù-</i>	<i>*(à)nie / *bènue</i>

Значительное сходство между реконструированными формами обеих семей, безусловно, является сильно приближенной картиной – с учетом индивидуальных особенностей различных групп и подгрупп ква, обсужденных нами в настоящей работе. Тем не менее, на основании проведенного краткого анализа появляется реальная возможность сделать существенный шаг вперед в реконструкции грамматической системы праязыка семьи бенуэ-ква, одной из основных ветвей нигеро-конголезской макросемьи языков.

Необходимо отметить и еще один важный результат реконструкции. Приведенный анализ данных языков ква, особенно в сравнении с данными языков бенуэ-конго, указывает путь к значительной модификации принятого на сегодняшний день генеалогического древа языков нигеро-конголезской макросемьи. Безусловно, материала одних только личных местоимений недостаточно для того, чтобы делать какие-либо таксономические выводы, однако учитывать эти данные при дальнейших сравнительно-исторических исследованиях необходимо, и, будучи подкрепленными солидной реконструкцией других аспектов грамматической системы, они могут внести существенные изменения в существующую таксономию макросемьи.

3 лицо единственного числа

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./независ.
эве	é / wò, pé (юсс.)	e	é / è	éya
ген	é, bě (dep.)	è / è	é	éya
гун	é	e / ε / i	é-tɔn	éɔ / úɔ
фон	é(yè)	é(yè)	é-tɔn	é(yè)
ньянгбо-тафи	ye / yε	yé	yε	ye / yε
аватиме	é / á	yē / yē	ye-	yē
бовили	o / yè, e- / ε-			o / ye
кебу				ɲwá
анимере	ye			ye
абе	ná / á			nə
абиджи	n-	-nì		ɛnɛ
адьюкру	o, nā, lu		o, nān	li (одуш.), ow, in (косв. речь одуш.), ow'n (косв. речь)
алладьян	l- / n- (гл.), li- / ni- (согл.), ne / no / o	-r	in, ne	e, ne
авикам	e / è		è	e / è
га	è	lè (одуш.), ø (неодуш.)	è	lè
дангме	e	ε, a, ɔ	e	lè
аделе	é, ε (буд., перф. отриц.), ya (перф.)		o	εwɔ
эга	lí	jí	j-'	tjí
логба	ɔ	ε / o, lε (одуш.), yε (неодуш.)	o (одуш.), alε (неодуш.)	ɔlε (одуш.), mε (неодуш.)
секпеле	o / u (одуш.), a / e (неодуш.)	wε (одуш.)	wé	wé
селе	o	ɔ	nɔɔ	ɲ ^w ɔɔ
сиву	ɔ̄	ũ	ð	ð
лелеми	o-	-ɲ	ɲwa	àɲu
аттье	c		e	o, e
эбрие	a / e		mi	a / ā / ĭ
мбато	ε		è	hē

Таблица 8 (окончание)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./независ.
аньи	о- / ɔ- (согл.), у- (гл.)	-у	о- / уé (согл.), у-, i (гл.)	уé, i / èi
аньи-санви	о / а		i	i / èi
бауле	ɔ	i	i	(y)i
нзема	о- / ɔ-, уе-		о, i	èi / а
аброн	wo / u		we	wo
акан-ашанти	ɔ- / о- / wa- (одуш.), ɛ- / е- / а- (неодуш.)	ɔpo (одуш.), ɛpo (неодуш.)		
акан-аквапим	(o)po	(o)po	ne / n-	póaga, nehú (возвр.)
акан-фанти	о- / wa-, nu / па		nú-	owo
гичоде	ò / ɔ̃	mɔ̃	mè / m- / mɔ̃	mɔ̃
гиньянга	ó / ɔ' / ò / ɔ̃	è / à	nè	wa
домпо				nyine
гонджа	è (одуш.), kì (неодуш.)	mò (одуш.), kúmú (неодуш.)	m̃bá (одуш.), kúmú bá (неодуш.)	mò (одуш.), kúmú (неодуш.)
нконья	ɔ- (одуш.), е- / i- (неодуш.)		m̃ɔ (одуш.)	(e)m̃ɔ
нчумуру- банда	ɔ̃-	mù / m̃		mù
нчумуру- беджамсо- груби		m̃ù (одуш.), k̃em (неодуш.)	m̃ù / m̃è / m̃è	m̃ù (одуш.), k̃éyà (неодуш.)
черепон	á (одуш.), é (неодуш.)	m̃ù	m̃ò	m̃ù
абуре	о / а / е		i / u	e
эотиле	о	о		wo
кробу	о			ó

Таблица 9

3 лицо множественного числа

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./независ.
эве	wó, wóné (юсс.)	wó	wó	wó / áwó
ген	ó / ò	ó	óá	óáó
гун	yé	yé	yé-tɔn	yélé
фон	yé	yé	yé-tɔn	yé
ньянгбо-тафи	balé	balé / alé	balé	ba / be / balé, baléšú (возвр.)

Таблица 9 (продолжение)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./независ.
аватиме	bā		ba-	bā
бовили	ba / bɛ̃, bi-		bɛ	
кебу				m̩pə
анимере	bɛ			bɛ
абе				kɛlɔ
абиджи	n-...-ní			n-ɛ̃nɛ
адьюкру	bɛ̃, li, wɛ̃		en	bɛ̃, -li (одуш.), wɛl, ɛl (косв. речь)
алладьян	l- / n- (гл.), li- / ni- (согл.)	ɛl	ɛl, ye	
авикам	aɔ̃		ā	aɔ̃, ā
га	àmɛ̃	àmɛ̃	àmɛ̃	àmɛ̃
дангме	a	mɛ̃	à	mɛ̃
аделе	bée (наст.), bée (прогр.), bá (перф.), bɛ (буд., перф. отриц.)		bɛ	bɛ
эга	mū	mé	m-'	ɪmé
логба	c	a	a	alɛ
сскпеле	ba, má	nyɛ / mɛ (одуш.), má	máma	má
селе	boo	ma	lɛmā	m̩mā
сиву	mā, mā	mā	mā	mā'
лелеми	ba-	-mà	bàná/màná	àma
аттье	ba		ba	ba
эбрис	o		o/lo	lo
мбато	bo / mɔ̃		bɔ̃	bɔ̃
аньи	bé / b-	bé	bé / b-	bé
аньи-санви	be		be	be
бауле	be	be	be	be
нзема	be- / bɛ-		be	be
аброн	be		be	be
акан-ашанти	wɔ- / wo- / wɔa- (одуш.), ɛ- / e- / a- (неодуш.)	wɔɲ (одуш.), ɛno(ɲom) (неодуш.)	wɔɲ (одуш.), no (неодуш.)	wɔɲ (одуш.), n(e) (неодуш.)
акан-аквапим	voŋ	voŋ	voŋ	vóŋara, voŋhú (возвр.)
акан-фанти	wo- / wa-, hon			óhon
гичоде	mā	mómó	mómó	mómó

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./независ.
гиньянга	mě / m- / mě	mǎ (одуш.), á (неодуш.)	mǎ	mǎ
домпо				bam
гонджа	bǎ / bǎ (одуш.), à (неодуш.)	bòmò (одуш.), ámú (неодуш.)	bómó bá (одуш.), ámú bá (неодуш.)	bòmò (одуш.), ámú (неодуш.)
нконья	be- / be- / bo- / bǎ- / bu- (одуш.), e- (неодуш.)		amǎ	amǎ
нчумуру-банда	bì-	bamu / bam		bamu
нчумуру- беджамсо- глуби		bám	bámě / bām-	bámě
черепон	émú	émù	émù	émù
абуре	ve		ve / v-	vwe
эотиле				wa
кробу	a			á

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

аор.	аорист
буд.	будущее время
возвр.	возвратное
вопр.	вопросительное
гл.	гласный звук
диал.	диалектное
ед. ч.	единственное число
имперф.	имперфект
инкл.	инклюзив
л.	лицо
мн. ч.	множественное число
наст.	настоящее время
неодуш.	неодушевленное
одуш.	одушевленное
отр.	отрицательное
отчужд.	отчуждаемое
перф.	перфект
прош.	прошедшее время
согл.	согласный звук
топик.	топиализованное
усл.	условное наклонение
утв.	утвердительное
хаб.	хабитуалис
экскл.	эксклюзив
эмфат.	эмфатическое
юсс.	юссив

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ВАРИАНТЫ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ, ПРИВЕДЕННЫХ В СТАТЬЕ

язык	варианты в литературе
эве	Ewe, Ebwe, Efe, Eibe, Eue, Eve, Gbe, Krepe, Krepi, Popo, Vhe
ген	Gen, Ge, Gebe, Gen-Gbe, Guin, Mina, Mina-Gen, Popo
гун	Gun, Alada, Alada-Gbe, Egun, Goun, Gu, Gugbe, Gun-Alada, Gun-Gbe, Seto-Gbe, Toli-Gbe
фон	Fon, Dahomeen, Djedji, Fo, Fogbe, Fongbe, Fonnu
ньянгбо-тафи	Nyangbo-Tafi, Tutrugbu
аватиме	Avatime, Afatime, Siya, Sia, Sideme
бовили	Bowili, Bawuli, Bowiri, Liwuli, Siwuri, Tuwili, Tuwuli
кебу	Kebu, Akebou, Ekpeebhe, Gakagba, Kabu, Akebu, Kegberike
анимере	Animere, Anyimere, Kunda
абе	Abe, Abbé, Abbey, Abi
адыюкру	Adioukru, Adjukru, Adyoukrou, Adyukru, Ajukru
алладьян	Alladian, Alladyan, Allagia, Allagian
авикам	Avikam, Avekom, Brignan, Brinya, Gbanda, Kwakwa, Lahu
га	Ga, Accra, Acra, Amina, Gain
аделе	Adele, Bedere, Bidire, Gadre, Gidire
эга	Ega, Diés, Egwa
логба	Logba, Ikpana
секпеле	Sekpele, Likpe
селе	Sele, Santrokofi
сиву	Siwu, Akpafu
лелеми	Lelemi, Buem
аттье	Attie, Akie, Akye, Atche, Atie, Atshe
эбрие	Ebrié, Cama, Caman, Kyama, Tchaman, Tsama, Tyama, Kyama
мбато	Mbato, Goaa, Gwa, M'bato, Mbatto, Mgbato, N-Batto, Ogwia, Potu
аньи	Anyi, Agni, Anyin
аньи-санви	Anyi Sanvi, Afema, Sanwi
бауле	Baulé, Baoulé, Bawule
нзема	Nzema, Zema, Appolo, Nzima
аброн	Abron, Bron, Brong, Doma, Gyaman
акан-ашанти	Akan Ashanti, Asante, Ashanti Twi
акан-фанти	Fanti, Fante, Twi
домпо	Dompo, Dumpo, Ndmpo
нчумуру	Nchumuru, Kyongborong, Nchimburu, Nchumburu
черепон	Cherepon, Cherepong, Chiripon, Chiripong, Kyerepong, Okere, Hill Guang
абуре	Aburé, Abonwa, Abule, Akaplass
эотиле	Eotilé, Beti

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Рамстедт 1957 – Г.И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Aboh 1997 – E. Aboh. On the syntax of Gungbe noun phrases. Paper presented at the annual meeting of the African language and linguistics colloquium (Leiden). 1997.
- Agbedor 1996 – P.K. Agbedor. The syntax of Ewe personal pronouns // *Linguistique africaine*. 1996. V. 16.
- Allan 1980 – E.J. Allan. Likpe // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Allen 1980 – C.A. Allen. Sele // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Apronti 1976 – E.O. Apronti. Dangme // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 1. Legon; Leiden, 1976.
- Babaev 2008 – K. Babaev. Reconstructing Niger-Congo personal pronouns I: Proto-Bantoid // *Journal of West African linguistics*. V. XXXV. 2008. № 1–2. <http://www.nostratic.ru/benue-congo1.pdf>
- Babaev 2010 – K. Babaev. Reconstructing Niger-Congo personal pronouns II // *Вопросы языкового родства*. 2010. № 4. <http://www.nostratic.ru/benue-congo2.pdf>
- Bamgbose 1966 – A. Bamgbose. A grammar of Yoruba. (West African languages monographs. 5.) Cambridge, 1966.
- Bennett, Sterk 1977 – P. Bennett, J. Sterk. South-Central Niger-Congo: a reclassification // *Studies in African linguistics*. V. 8. 1977.
- Blench 2001 – R. Blench. Comparative Central Togo: What have we learnt since Heine? Paper presented at the 32nd annual conference on African linguistics (Berkeley, 23–25th March). 2001.
- Blench 2007 – R. Blench. The Domo language of Central Ghana and its affinities. Manuscript. 2007. <http://www.rogerblench.info>
- Blench, Doma, manuscript. – R. Blench, M. Doma. A dictionary of the Gbari language. Manuscript. <http://www.rogerblench.info>
- Bôle-Richard 1983a – R. Bôle-Richard. L'ébrié // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Bôle-Richard 1983b – R. Bôle-Richard. L'éga // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Bôle-Richard 1983c – R. Bôle-Richard. Systématique phonologique et grammaticale d'un parler ewe: le gen-mina du sud-Togo et sud-Bénin. Paris, 1983.
- Boyd 1989 – R. Boyd. Adamawa-Ubangi // J. Bendor-Samuel (ed.). Niger-Congo languages. New York; London, 1989.
- Burmeister 1983a – J.L. Burmeister. L'abouré // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Burmeister 1983b – J.L. Burmeister. L'agni // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Casali 2006 – R. Casali. Animere phonetic word list. Draft, 2006.
- Christaller 1933 – J.G. Christaller. Dictionary of the Asante and Fante language called Tshi (Twi). Basel, 1933.
- Cleal 1976a – A. Cleal. Gchode // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 1. Legon; Leiden, 1976.
- Cleal 1976b – A. Cleal. Genyanga // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 1. Legon; Leiden, 1976.
- Cleal, Price 1980 – A. Cleal, N. Price. Nchumuru // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Clopper 2001 – C. Clopper. The Nzema verbal phrase: an optimality theoretic account // *IULC working papers online*. V. 1. 2001.
- Cook 1976 – T.L. Cook. Efik // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 1. Legon; Leiden, 1976.
- Cox 1998 – M. Cox. Description grammaticale du ncam (bassar), langue gurma du Togo et du Ghana. Paris, 1998.
- Creissels 1993 – D. Creissels. Description des langues négro-africaines et théorie syntaxique. Grenoble, 1993.
- Cysouw 2003 – M. Cysouw. The paradigmatic structure of person marking. Oxford, 2003.

- Delafosse 1900 – *M. Delafosse*. Essai de manuel de la langue agni. Paris, 1900.
- Delafosse 1904 – *M. Delafosse*. Vocabulaires comparatifs de plus de 60 langues ou dialectes parlés à la Côte d'Ivoire et dans la régions limitrophes. Paris, 1904.
- Duponchel, Bertin Mel 1983 – *L. Duponchel, G. Bertin Mel*. L'alladian // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Fiore, Peck 1980 – *L. Fiore, P. Peck*. Limbum // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Funke 1909 – *E. Funke*. Versuch einer Grammatik der Avatimesprache // Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. V. 12. 1909. № 3.
- Funke 1910 – *E. Funke*. Die Nyangbo-Táfi Sprache: Ein Betrag zur Kenntnis der Sprachen Togos // Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. V. 13. 1910. № 3.
- Grassias, Bôle-Richard 1983 – *A. Grassias, R. Bôle-Richard*. Le m'batto (ngula) // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Greenberg 1955 – *J. Greenberg*. Studies in African linguistic classification. New Haven, 1955.
- Harro, Haynes 1991 – *G. Harro, N. Haynes*. Grammar sketch of Yemba. Yaoundé, 1991.
- Heath 2003 – *T. Heath*. Makaa // D. Nurse, G. Phillipson (eds.). The Bantu languages. London; New York, 2003.
- Heine 1968 – *B. Heine*. Die Verbreitung und Gliederung der Togorestsprachen. Berlin, 1968.
- Hérault 1976 – *G. Hérault*. Adiokrou // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 1. Legon; Leiden, 1976.
- Hérault 1983 – *G. Hérault*. L'éotilé // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Hill 1995 – *H. Hill*. Pronouns and reported speech in Adiokrou // Journal of West African languages. V. 15. 1995. № 1.
- Höftmann 1971 – *H. Höftmann*. The structure of Lelemi language. Leipzig, 1971.
- Hyman, Magaji 1970 – *L. Hyman, D. Magaji*. Essentials of Gwari grammar. Occasional publication. 27. Ibadan, 1970.
- Iddah 1980 – *R.K. Iddah*. Siwu // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Jungraithmayr 1973 – *H. Jungraithmayr*. Notes on the Ishe dialect of Ukaan (Akoko, Western State, Nigeria) // Africana Marburgensia. V. 6. 1973. № 1.
- Krause 1895 – *G.A. Krause*. Die Stellung des Temne innerhalb der Bantusprachen // Zeitschrift für afrikanische, ostasiatische und ozeanische Sprachen. Hf. 1. 1895.
- Kropp Dakubu 1967 – *M.E. Kropp Dakubu*. Lefana, Akpafu and Avatime with English glosses // Comparative African wordlists. 3. Legon, 1967.
- Kropp Dakubu 1976 – *M.E. Kropp Dakubu*. Ga // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 1. Legon; Leiden, 1976.
- Kropp Dakubu 2008 – *M.E. Kropp Dakubu*. Ga Verb Features // F. Ameka, M.E. Kropp Dakubu (eds.). Aspect and modality in Kwa languages. Amsterdam, 2008.
- Kutsch Lojenga, Hood 1983 – *C. Kutsch Lojenga, E. Hood*. L'attié // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Lefebvre, Brousseau 2002 – *C. Lefebvre, A.-M. Brousseau*. A grammar of Fongbe. The Hague, 2002.
- Leitch 2003 – *M. Leitch*. Babole // D. Nurse, G. Phillipson (eds.). The Bantu languages. London; New York, 2003.
- Lewis 2009 – *M.P. Lewis* (ed.). Ethnologue: languages of the world. Dallas, 2009. <http://www.ethnologue.com>
- Meinhof 1906 – *C. Meinhof*. Grundzüge einer vergleichende Grammatik der Bantusprachen. Berlin, 1906.
- Mensah 1983 – *E.N.A. Mensah*. Le krobou // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Miehe 2004 – *G. Miehe*. Les pronoms personnels dans les langues gur // D. Ibriszimow, G. Segerer (eds.). Systèmes de marques personnelles en Afrique. Collection «Afrique et langage». 8. Louvain; Paris, 2004.
- Moniño 1995 – *Y. Moniño*. Le Proto-Gbaya: essai de linguistique comparative historique sur vingt-et-une langues d'Afrique centrale. Louvain; Paris, 1995.
- N'Guessan 1983a – *J.K. N'Guessan*. L'abbey // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- N'Guessan 1983b – *J.K. N'Guessan*. Le baoulé // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.

- Nougayrol 1979 – *P. Nougayrol*. Le day de Bouna (Tchad). T. 1. Phonologie, syntagmatique nominale, synthématique. Paris, 1979.
- Nurse 2007 – *D. Nurse*. Tense and aspect in Bantu. Oxford, 2007. <http://www.uccs.mun.ca/~dnurse/tabantu.html>.
- Ohiri-Aniche 1999 – *C. Ohiri-Aniche*. Language diversification in the Akoko area of Western Nigeria // R. Blench, M. Spriggs (eds.). Archaeology and language. IV. Language change and cultural transformation. London, 1999.
- Painter 1980a – *C. Painter*. Gonja // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Painter 1980b – *C. Painter*. Hill Guang // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Persson, Persson 1980 – *A. Persson, J. Persson*. Ligbi // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Philpot 1935 – *W.T.A. Philpot*. Notes on the Igala language // Bulletin of the school of Oriental and African studies. V. 7. 1935.
- Pozdniakov, Segerer 2004 – *K. Pozdniakov, G. Segerer*. Reconstruction des pronoms atlantiques et typologie des systèmes pronominaux // D. Ibrizimow, G. Segerer (eds.). Systèmes de marques personnelles en Afrique. Collection «Afrique et langage». V. 8. Louvain; Paris, 2004.
- Rédei 1988 – *K. Rédei* (ed.). Uralisches etymologisches Wörterbuch. Wiesbaden, 1988.
- Reineke 1972 – *B. Reineke*. The structure of the Nkonya language. Leipzig, 1972.
- Riis 1853 – *A. Riis*. Elemente des Akwapim-Dialekts der Odschi-Sprache. Basel; Bahnmeier, 1853.
- Schadeberg 1981 – *T. Schadeberg*. The survey of Kordofanian. V. 1. The Heiban group. Hamburg, 1981.
- Schadeberg 1985 – *T. Schadeberg*. A small sketch of Ewe // Afrikanistische Arbeitspapiere. Köln, 1985.
- Scholz 1976 – *H.-J. Scholz*. Igbirra // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 1. Legon; Leiden, 1976.
- Schuh 1995a – *R. Schuh*. Aspects of Avatime phonology // Studies in African linguistics. V. 24. 1995. № 1.
- Schuh 1995b – *R. Schuh*. Avatime noun classes and concord // Studies in African linguistics. V. 24. 1995. № 2.
- Segerer 2002–2007 – *G. Segerer*. Les marques personnelles dans les langues africaines, base de données en ligne, 2002–2007. <http://sumale.vjf.cnrs.fr/pronoms>.
- Segerer 2008 – *G. Segerer*. Les langues Niger-Congo // А.Ю. Желтов (ред.). Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб., 2008.
- Smith 1980 – *N. Smith*. Nupe // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Sprigge 1976 – *R.G.S. Sprigge*. Ewe (Adangbe dialect) // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 1. Legon; Leiden, 1976.
- Starwalt 2008 – *C. Starwalt*. The acoustic correlates of ATR harmony in 7- and 9-vowel African languages: a phonetic inquiry into phonological structure. Ph.D. thesis. Arlington, 2008.
- Stewart 1973 – *J. Stewart*. The lenis stops of the Potou Lagoon languages and their significance for pre-Bantu reconstruction // M.E. Kropp Dakubu (ed.). Papers in Ghanaian linguistics. V. 2. 1973.
- Stewart 1989 – *J. Stewart*. Kwa // J. Bendor-Samuel (ed.). The Niger-Congo languages. Lanham, 1989.
- Stewart 1993 – *J. Stewart*. The second Tano consonant shift and its likeness to Grimm's law // Journal of West African languages. V. 23. 1993. № 1.
- Stewart 1994 – *J. Stewart*. The comparative phonology of Gbe and its significance for that of Kwa and Volta-Congo // Journal of African languages and linguistics. V. 15. 1994.
- Stewart 1999 – *J. Stewart*. An explanation of Bantu vowel height harmony in terms of a pre-Bantu nasalized vowel lowering // Journal of African languages and linguistics. V. 21. 1999.
- Stewart 2000 – *J. Stewart*. Symmetric versus asymmetric vowel height harmony and e, o versus i, u in Proto-Bantu and Proto-Savanna Bantu // Journal of West African languages. V. 28. 2000. № 1.
- Stewart 2001a – *J. Stewart*. South Volta-Congo (Benue-Kwa) subclassification: the position of Tano (Akanoid). Paper read at the 32nd annual conference on African linguistics (University of California), 2001.
- Stewart 2001b – *J. Stewart*. The stem-initial consonant system of Proto-Potou-Tano-Bantu: an update. Paper read at the Benue-Congo workshop at the 32nd annual conference on African linguistics (University of California), 2001.

- Stewart 2002 – *J. Stewart*. The potential of Proto-Potou-Akanic-Bantu as a pilot Proto-Niger-Congo, and the reconstructions updated // *Journal of African languages and linguistics*. V. 23. 2002.
- Stewart 2004 – *J. Stewart*. The Proto-Potou-Akanic-Bantu reconstructions updated. Manuscript, 2004.
- Stewart, manuscript – *J. Stewart*. Word list for African languages. Manuscript.
- Tamanji 2006 – *P. Tamanji*. Concord and DP structure in Bafut. *Afrikanistik online*. № 595. 2006.
- Timyan-Ravenhill 1980 – *J. Timyan-Ravenhill*. Baule // M.E. Kropp Dakubu (ed.). *West African language data sheets*. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Timyan-Ravenhill 1983 – *J. Timyan-Ravenhill*. L'abron // G. Hérault (ed.). *Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire*. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Tresbarats 1983 – *C. Tresbarats*. L'abidji // G. Hérault (ed.). *Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire*. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Welmers 1946 – *W. Welmers*. A descriptive grammar of Fanti. Baltimore, 1946.
- Werner 1919 – *A. Werner*. Introductory sketch of the Bantu languages. London; New York, 1919.
- Westermann 1903 – *D. Westermann*. Die Logbasprache in Togo: Kurzer Abriss der Grammatik und Texte // *Zeitschrift für Afrikanische und Ozeanische Sprachen*. Hf. 7. 1903.
- Westermann 1922 – *D. Westermann*. Vier Sprachen aus Mitteltogo: Likpe, Bowili, Akpafu und Adele, nebst einigen Resten der Borosprachen // *Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen*. 25. 1922.
- Westermann 1927 – *D. Westermann*. Die westernen Sudansprachen und ihre Beziehungen zum Bantu. Berlin, 1927.
- Williamson 1989 – *K. Williamson*. Benue-Congo overview // J. Bendor-Samuel (ed.). *The Niger-Congo languages*. New York; London, 1989.
- Williamson, manuscript – *K. Williamson*. Proto-Ijoid reconstructions. Manuscript.
- Williamson, Blench 2000 – *K. Williamson, R. Blench*. Niger-Congo // B. Heine, D. Nurse (eds.). *African languages: an introduction*. Cambridge, 2000.